

Аня Малинина

БЫВШИЕ

если любишь —
простишь

18+

Лия Малинина

БЫВШИЕ. Если любишь - простишь

<https://litres.ru/74698174>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Что ты хотела? — холодно проговорил я, хотя внутри все горело.

— Поговорить, — тихо ответила Оксана.

— Не о чем нам разговаривать, — отрезал я, отворачиваясь к окну. Лишь бы не смотреть на нее, лишь бы не видеть, как она стоит там, такая чертовски знакомая, родная и такая чужая.

— Есть, — сказала она, и в голосе появилась твердость, которую я помнил. Упрямая, всегда была упрямой.

— О чем?! — я резко развернулся и вскочил на ноги. — О том, как ты сбежала? О том, как оставила записку на три слова? О том, как исчезла на пять лет, не сказав ни черта?

— Сева

— Нет! — я шагнул к ней. — Ты хочешь поговорить? Так давай, поговорим. Только знаешь что? Нужно было разговаривать тогда. Пять лет назад

— Да я просто не хотела, чтобы ты видел, как я умираю! — прокричала она и закрыла лицо ладонями.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лия Малинина Бывшие. Если любишь - простишь

Глава 1

Оксана

Я прилетела в аэропорт Адлера на рассвете, получила багаж и заказала такси через приложение на адрес, указанный в моем баснословном контракте.

Машина петляла по серпантину, а я смотрела в окно, не отрываясь. Сосны, скалы, туман в ущельях — все это было чужим и одновременно странно знакомым, будто я уже видела этот пейзаж во сне. Или когда-то в прошлой жизни.

Водитель, пожилой кавказец с седой щетиной, всю дорогу молчал, только изредка поглядывал на меня в зеркало и я была благодарна ему за тишину. Голова гудела от мыслей, которые я гнала от себя последние три недели, с того самого дня, как подписала контракт.

А ведь все началось с письма.

Полтора месяца назад мне на почту пришло сообщение от посредника. Крупный проект: восстановление исторического яблоневого сада при частном имении в Красной Поляне.

Гонорар такой, что я сначала решила, что это ошибка. Я перечитала письмо трижды, проверила реквизиты, позвонила заказчику. Голос в трубке был сухим и деловым:

— Да, все верно. Сад старый, запущенный. Нужен специалист по восстановлению, ваше портфолио подходит. Когда можете приступить?

— Мне нужно подумать, — коротко ответила я и повесила трубку.

Тем же вечером я поехала к родителям.

Они жили в Туле, в доме на окраине, который отец когда-то построил своими руками. Мама, осунувшаяся, с одышкой, с темными кругами под глазами встретила меня на пороге.

Она уже год не могла нормально спать: сердце шалило так, что она просыпалась по ночам от собственного сердцебиения. Врачи говорили, что нужно срочно оперироваться. Но оперативное вмешательство стоило денег, которых у нас не было, а свою очередь на бесплатную операцию она могла не дожидаться.

Отец сидел на кухне и листал какие-то бумаги. Увидев меня, отложил их в сторону и попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

Я села напротив, налила себе чаю, выдохнула и сказала:

— Мне предложили работу в Красной Поляне. Восстановление сада при имении. Гонорар вот такой, — написала сумму на салфетке и пододвинула ее отцу.

Он долго смотрел на цифры, потом поднял на меня глаза: — Это... это за один проект? — он шокировано смотрел на меня.

— За один, — кивнула я, — судя по тем бумагам, что мне прислали, работы там очень много, на несколько месяцев.

Мама всхлипнула и отвернулась к окну. Я видела, как она прижала руку к груди привычным жестом, который я ненавидела. Отец молчал, но я знала, о чем он думает. О кредитах, которые висят на нашем питомнике, о том, что банк уже дважды присылал уведомления, о том, что дом заложен, а машину он продал еще в прошлом году, о том, что маме нужна операция на сердце, а денег нет.

— Это шанс, — сказала я тихо. — Я помогу расплатиться с долгами, мы сможем оплатить мамину операцию, мы выберемся.

— Дочь, ты не должна решать наши проблемы, — отец сжал мою руку.

Его пальцы были сухими и шершавыми, это были руки человека, который всю жизнь работал.

— Это не ваши, а наши проблемы, потому, что мы семья, — отрезала я.

Он ничего не сказал, просто кивнул. Мама подошла, обняла меня сзади и уткнулась лицом в мои волосы. Я почувствовала, как ее слезы каплют мне на шею.

— Только ты там осторожнее, — прошептала она. — Горы, мало ли что и на сердце у меня что-то беспокойно.

Я улыбнулась:

— Мам, это не горячая точка, это Красная Поляна, там курорт.

Она ничего не ответила, только крепче сжала мои плечи.

На следующий день я подписала контракт, не подозревая, что только что, этой подписью, я изменила свою жизнь.

И вот теперь, глядя на то, как из-за поворота выползают заснеженные вершины, я чувствовала, как внутри все трясется. Не потому, что боялась работы или новых людей, а потому, что я боялась своих воспоминаний.

Сева любил горы. Он всегда говорил, что горы — это единственное место, где он чувствует себя живым. Не наследником империи, не человеком в дорогом костюме, а собой.

Мы ездили с ним в Кавказские горы зимой, на Новый год, где он учил меня стоять на лыжах, хотя я падала чаще, чем ехала. Сева смеялся, поднимал меня, отряхивал снег, а вечерами мы сидели на террасе, пили глинтвейн и смотрели на вершины.

— Однажды я куплю здесь дом, — с улыбкой говорил он, — старый, с большим садом. И мы будем жить тут каждую осень.

— Ты же не умеешь жить без Москвы, — смеялась я, — ты же человек мегаполиса.

— Это только так кажется, — качал он головой, — с тобой я хочу жить вдали от всех.

Теперь эти горы, деревья, этот воздух — все напоминало о нем. Каждый поворот серпантина, каждая вершина. Я смотрела в окно и видела не пейзаж, открывающийся передо мной, а его лицо. Слышала не шум двигателя машины, а его голос. И от этого хотелось зажмуриться, зажать уши и закричать. Но я сидела тихо, только сжимала руки в кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Имение появилось неожиданно. Оно стояло на склоне, окруженное старыми яблонями, которые, казалось, помнили еще царскую Россию. Двухэтажный дом из темного дерева и камня, с резными наличниками, широкой террасой и колоннами у входа.

Вековые липы, запущенный фонтан, каменная ограда, местами осыпавшаяся. Пахло историей — пылью, старой краской, и яблоками. Рядом с крыльцом был припаркован черный внедорожник с московскими номерами.

Таксист достал из багажника мой чемодан, я вышла из машины и остановилась. Воздух был ледяным и чистым, пахло листвой и дымом. Где-то вдалеке лаяла собака. Я подхватила за ручку чемодан, сделала шаг к дому и застыла, как вкопанная.

Дверь открылась. На пороге стоял он.

Всеволод Каминский.

Сева.

Я узнала его сразу, хотя прошло пять лет. Те же темные волосы с проседью на висках, тяжелая челюсть и острый, как

лезвие, взгляд. Он был в черной рубашке, с закатанными рукавами и темных брюках. На левом запястье часы, которые я ему подарила. Я помнила эти часы, выбирала их три часа в торговом центре, волнуясь, что ему они не понравятся.

Сева смотрел на меня молча. Ни удивления, ни злости, ничего. Его лицо было непроницаемо, как маска. Будто он ждал меня, будто знал, что я приеду.

Я стояла и не могла пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, руки похолодели. Хотела сказать что-то — извиниться, объяснить, соврать, но слова застряли в горле.

Он не сказал ни слова, просто стоял и смотрел, и от этого взгляда мне хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, сесть обратно в такси и уехать. Куда угодно, лишь бы не видеть его лица.

Но я не уехала.

Я стояла и смотрела на него. А он на меня.

И в наших взглядах было все: пять лет молчания, пять лет боли, пять лет вопросов без ответов. Только нужны ли были ему сейчас мои объяснения? Нужна ли ему еще моя правда?

Глава 2

Оксана

Мы молча стояли друг напротив друга, и время будто остановилось.

Не помню, сколько это длилось. Может, минуту, может, две, а может, целую вечность. Я смотрела на него и не могла поверить в то, что он здесь, что это не сон и не игра моего больного воображения.

Что он действительно стоит на пороге этого дома, такой же, какого я знала пять лет назад, и одновременно совсем чужой.

Сева молчал. Просто стоял — руки в карманах, плечи расслаблены, взгляд тяжелый, как камень. Ни удивления, ни злости. Ничего. Просто холодное безразличие. Будто он ждал меня, знал, что я приеду. Будто все это было заранее спланировано. Хотя, может, так оно и было, только у меня не было сил думать об этом.

Я первой опустила глаза, не выдержав его взгляда. Посмотрела на чемодан в своей руке — старый, потрепанный, с наклейками из аэропортов, которых я уже и не помнила. Бросила взгляд на свои кроссовки, испачканные дорожной пылью, посмотрела на яблоко, лежавшее у ног, — красное, перезревшее, с трещинкой на боку.

— Ну что, — сказал он наконец. Голос был ровный, без

интонаций, но в нем чувствовалась сталь. — Долго же ты добиралась.

И это было все, что он сказал. Не «здравствуй», не «как ты», не «почему». Просто констатация факта. Долго же ты добиралась. Как будто я опоздала на совещание и мы были чужими, абсолютно не знакомыми друг другу людьми. По сути, теперь так оно и было. Наше прошлое осталось в далеком прошлом.

Я подняла на него глаза.

— Я не знала, что это твое имение, — сказала, и мой голос прозвучал до боли жалко. Слишком тихо и неуверенно.

— Конечно, не знала, — он усмехнулся, — ты вообще много чего не знала. Или не хотела знать.

Сева медленно спустился с крыльца. Я следила за каждым его шагом — как он ставит ногу на каменную ступень, как скользит рукой по перилам, как останавливается в шаге от меня.

Близко. Настолько близко, что я почувствовала запах его одеколона — древесный, с ноткой перца. Меня замутило и я вдохнула глубже, заставляя себя не отступать и не показывать слабость. Не дать ему увидеть, что я все еще помню этот запах. Что я все еще помню все.

— Контракт подписан, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Ты взяла аванс, теперь будь добра, отработай. Сад в ужасном состоянии, я хочу, чтобы к весне он цвел.

— Сева...

— Всеволод Андреевич, — перебил он. — Здесь не Москва, здесь я твой работодатель и поверь, я не собираюсь делать тебе никаких поблажек.

Он развернулся и уверенной походкой пошел обратно к дому. У двери остановился, бросил через плечо:

— Твоя комната на втором этаже, слева. Через час жду тебя в саду, я покажу, что нужно сделать.

Дверь закрылась.

И я осталась стоять одна посреди двора. Ветер трепал мои волосы, бросал в лицо сухие листья, а я смотрела на закрытую дверь и не могла сдвинуться с места. В голове билась одна мысль: он не простил.

Я подняла глаза на дерево рядом с собой. На ветке висело яблоко — последнее, всеми забытое. Я протянула руку и сорвала его. Оно было холодным и тяжелым. Сжала его в ладони так, что ногти впились в кожуру. И только потом поняла, что делаю. Разжала пальцы и оно с глухим стуком упало в траву.

Подхватила чемодан и поплелась к дому.

Комната оказалась небольшой, но уютной. Деревянные стены, окно во всю стену с невероятным видом на горы. Я бросила чемодан у кровати, умылась холодной водой и переделалась в рабочую одежду: джинсы, теплый свитер, куртку. Волосы собрала в пучок. Посмотрела на себя в зеркало и покачала головой: бледная, с темными кругами под глазами. Не лучшая версия меня, но другой у меня не было.

Я села на кровать и обхватила себя руками за плечи. Попыталась дышать ровно, как учила меня врач, когда на меня накатывала паника, но не получалось.

Перед глазами все еще стояло его лицо — непроницаемое, холодное, чужое. Он смотрел на меня, как на незнакомку, как на человека, которого он впервые видит. И это было больнее всего.

Когда-то он смотрел на меня совсем иначе. Когда-то в этих глазах было столько тепла, что я могла согреться, столько любви, что я сгорала. Теперь там был только холод. Холод и что-то еще — глухое, запертое, что он прятал даже от себя. Может, боль, может, злость, может, все сразу.

Я медленно встала и подошла к окну. Горы стояли вдалеке — величественные, монументальные. Они были здесь до нас, будут после.

Им все равно, что мы когда-то любили друг друга, что мы потеряли друг друга. Что я все еще помню его смех, слышу его голос, вижу его лицо, когда закрываю глаза. Горы стояли и будут стоять. А мы — мы просто люди. Слабые, глупые, одинокие.

Я закрыла глаза. Вдохнула, выдохнула, сказала себе: «Ты приехала работать. Ты приехала ради родителей. Ты приехала ради денег. Ты справишься. Ты всегда справлялась». Открыла глаза, развернулась к двери и решительно вышла из комнаты.

Сад встретил меня тишиной и запустением. Яблони сто-

или неровными рядами, ветки переплелись, кора потрескалась, под деревьями бурелом из сухих листьев и сломанных сучьев.

Трава вымахала по колено и где-то в глубине сада виднелась старая беседка — покосившаяся, с облупившейся краской и мхом на ступенях. Пахло сыростью и яблоками. Пахло осенью. Пахло прошлым.

Я шла медленно, касаясь пальцами стволов, разглядывая каждое дерево. Это была моя работа — видеть то, что скрыто под хаосом. Понимать, что можно спасти, а что придется выкорчевать.

Я насчитала двадцать три яблони. Из них пять — безнадёжные, остальные можно было вытянуть. Я достала блокнот, начала записывать. Дерево номер один — обрезка, лечение, подкормка. Дерево номер два — то же. Дерево номер три — под снос. Писала и чувствовала, как понемногу успокаиваюсь. Это просто работа, это то, что я умею и за что мне платят. Это то, что я могу контролировать, в отличие от своих глупых чувств.

— Ну что, оценила масштаб?

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась. Сева стоял в нескольких шагах, засунув руки в карманы. Он смотрел на меня с непроницаемым лицом.

— Двадцать три дерева, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Пять под снос, остальные требуют обрезки, лечения, подкормки. Плюс дренаж — весной здесь,

скорее всего, стоит вода. И беседку надо реставрировать.

— Значит, справишься, — это был не вопрос, а утверждение.

— Справлюсь, — ответила я.

Он кивнул и подошел ближе.

— Здесь все запущено, Оксана, — сказал он тихо. — И я хочу, чтобы ты это исправила. Все, до последнего листа, должно быть доведено до совершенства.

— Я сделаю свою работу, Всеволод Андреевич, — сказала я, глядя ему в глаза. — Можете не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, — он усмехнулся. — Ты всегда была хороша в том, чтобы доводить дела до конца. Все, кроме одного.

Он развернулся и пошел к дому, а я смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри все горит. От боли, от отчаяния, от того, что я запретила себе чувствовать пять лет назад.

Я опустила на корточки перед ближайшей яблоней и положила ладонь на потрескавшуюся кору. Дерево было живым, оно просто ждало, когда за него возьмутся.

— Ну что, — прошептала я. — Будем работать.

Ветер качнул ветки, где-то высоко в горах крикнула птица. Я закрыла глаза и заставила себя дышать.

Я справлюсь, всегда справлялась, даже когда это было почти невозможно.

Знакомимся с героями

Итак, дорогие читатели, пришло время поближе поознако-

миться с нашими главными героями

Всеволод Андреевич Каминский, 38 лет

**Бизнесмен, наследник строительной компании, не
женат**

Оксана Ларионова, 30 лет

Ландшафтный дизайнер, специалист по восстановлению садов, не замужем

Глава 3

Оксана

Я вернулась в комнату, когда солнце уже клонилось к закату. Горы за окном стали розовыми, потом лиловыми, потом темно-синими. Я сбросила куртку, стянула свитер, джинсы, зашла в ванну и включила душ.

Вода была горячей, почти обжигающей. Я стояла под ее струями, закрыв глаза, и чувствовала, как смывается грязь, усталость и напряжение этого дня. Но не мысли, мысли оставались.

Я прислушивалась к себе, к своему телу, к своим ощущениям. И понимала, что это не просто усталость, не просто стресс. Это что-то другое, то, что я запретила себе чувствовать пять лет назад, то, что я похоронила глубоко внутри и думала, что оно никогда не вернется.

Но оно вернулось. Оно было в том, как сжалось мое сердце, когда я увидела его на пороге, как перехватило дыхание, когда он подошел слишком близко, как я смотрела на его руки, на его губы, на его глаза, и не могла отвести взгляд.

Я все еще была к нему не равнодушна. Я все еще чувствовала, я все еще любила его. Эта мысль обрушилась на меня, как лавина. Я прислонилась лбом к холодному кафелю и заставила себя дышать. Глубоко, ровно, как учила врач, но не получалось.

Потому что пять лет я убеждала себя, что справилась, забыла, вылечилась. А оказалось — ничего я не забыла. Просто спрятала. Глубоко, надежно, как в швейцарском банке. Но он появился, и все вернулось вместе с ним.

Я выключила воду, вытерлась и надела мягкий халат, который нашла в шкафу. Он был белый, пушистый и пах лавандой. Я села на кровать и обхватила колени руками. Посмотрела в окно. Горы уже почти растворились в темноте, только вершины еще ловили последний свет. Я думала о Севе. О его лице, голосе, о его словах. «Ты всегда была хороша в том, чтобы доводить дела до конца. Кроме одного». Он не простил и не простит, и я не имела права его винить.

В дверь постучали.

Я вздрогнула, посмотрела на дверь, потом на часы. Они показывали половину восьмого, и я никого не ждала. Медленно встала, подошла и открыла дверь.

На пороге стояла пожилая женщина в униформе — темное платье, белый фартук, седые волосы, собранные в пучок. Лицо у нее было спокойное, но глаза внимательные, цепкие. Она смотрела на меня так, будто знала обо мне больше, чем я сама.

— Оксана Сергеевна, — сказала она ровным голосом. — Всеволод Андреевич просил передать, что ждет вас на ужин через тридцать минут.

Я замялась, открыла рот, чтобы сказать что-то, но слова не шли. Я не ожидала этого, не была готова, не хотела.

— Но я... — наконец промямлила я.

— Ужин подаем в столовой, в правом крыле дома, — коротко ответила женщина. — Через тридцать минут.

Она развернулась и ушла, а я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Зачем? Зачем он это делает? Для чего? Чтобы помучить меня? Чтобы показать, кто здесь хозяин? Или... или он тоже все еще что-то чувствует? Может, он тоже не равнодушен?

Я металась по комнате, как загнанный в клетку зверь. От окна к кровати, от кровати к двери, от двери к шкафу. Я не знала, что надеть, не знала, что сказать, не знала, как смотреть ему в глаза.

Я накручивала себя все сильнее, пока, наконец, я не остановилась перед зеркалом и не посмотрела на себя. Бледная, глаза красные, волосы мокрые. Красотка, что сказать. Я вздохнула, собрала волосы в низкий пучок, надела простое темное платье — единственное, что взяла с собой «на случай».

Посмотрела на часы. Время почти вышло. Я расправила плечи и вышла из комнаты.

Столовая была в правом крыле дома. Я шла по длинному коридору, мимо старых картин, темных дверей, окон, за которыми уже почти ничего не было видно. Дом был огромный, старый, пропитанный историей. Я чувствовала себя здесь чужой, маленькой, лишней.

Я вошла в столовую. Большая комната, длинный стол, све-

чи, тяжелые шторы. И он. Сева сидел за столом и крутил в руках бокал с красным вином. Он не поднял на меня глаз, просто сидел и смотрел на бокал и о чем-то думал.

Я остановилась в дверях и бросила взгляд на бутылку вина. Итальянское сухое, мое любимое. Я почувствовала, как екнуло в груди. Он помнил, все помнил.

— Присаживайся, — сухо сказал Всеволод, взглядом указывая на место рядом с ним.

Я не двинулась с места. Стояла и смотрела на него. На его профиль, его руки, на то, как он держит бокал.

— А вам разве по статусу полагается сидеть за одним столом с обслуживающим персоналом? — холодно заметила я.

Он поднял на меня тяжелый взгляд, но промолчал. Не сказал ни слова, просто сидел и смотрел. И от этого взгляда мне захотелось исчезнуть, раствориться, но я подошла к столу и села. Только не рядом с ним, а напротив.

Он ничего не сказал, только чуть заметно усмехнулся, будто ожидал этого. Я взяла белоснежную тканевую салфетку и положила себе на колени.

На ужин подали говяжий стейк. Прожарка ровно та, которую я любила, с розовым соком, с травами. Я смотрела в тарелку и чувствовала, как к глазам подкатывают слезы. И опять я оказалась права, он помнил. Вино, стейк, даже травы именно те, которые я всегда добавляла.

А я его бросила. Обманула, ушла, ничего не объяснив. Оставила записку, сменила номер и исчезла, будто меня ни-

когда не было в его жизни.

Но ведь я сделала это из благих побуждений. Я не хотела, чтобы он страдал. А теперь... теперь я сидела напротив него и не знала, что сказать.

— Зачем ты все это делаешь? — глухо спросила я, не поднимая глаз от тарелки.

— О чем ты? — невозмутимо ответил Сева, разрезая стейк.

— Все это, — я обвела рукой стол. — Вино, моя любимая еда. И вообще, почему я в принципе оказалась здесь?

Он отложил нож и вилку и поднял на меня глаза. В них не было ни тепла, ни злости. Только ледяной холод.

— Не бери на себя слишком много, — сказал он. — Все это не более, чем совпадение.

Совпадение, конечно. Вино, еда, имение в горах, сад. Все — совпадение. Я почти поверила. Почти.

— Прости, я устала с дороги, — сказала я, поднимаясь. — Пойду к себе, приятного аппетита.

Я бросила салфетку на стол, он не повел и глазом, и продолжал спокойно есть, будто меня и вовсе не было. Я пошла к двери, но у самого выхода из столовой он бросил мне в спину:

— Завтра в восемь встречаемся в саду. Нужно определиться, что необходимо купить.

Я не обернулась, ничего не ответила, просто вышла. Я шла по коридору, не видя ничего перед собой. Стены, картины,

окна — все расплывалось. Я дошла до своей комнаты, открыла дверь, закрыла, все на автомате. Доплелась до кровати, бухнулась на нее навзничь, уткнулась лицом в подушку и расплакалась.

Я плакала долго, беззвучно, отчаянно. Как будто из меня выходила вся боль, которую я копила пять лет. Вся тоска, все одиночество, все, что я запретила себе чувствовать.

Я плакала о нем. О себе, о нас, о том, что было, о том, чего не будет, о том, что я сама разрушила.

В дверь тихо постучали.

Я подняла голову и посмотрела на дверь. Не хотела открывать, не хотела, чтобы кто-то видел меня такой — заплаканной, разбитой, жалкой. Но стук повторился, тихий и настойчивый. Я медленно поднялась, вытерла лицо ладонями, подошла к двери и открыла.

На пороге стоял поднос. На нем тарелка с моей любимой творожной запеканкой и чайник с травяным чаем, который я всегда пила, когда не могла уснуть. Я смотрела на все это и не могла пошевелиться.

Дрожащими руками взяла поднос, занесла его в комнату и поставила на прикроватную тумбочку. Посмотрела на это все и прошептала:

— Совпадение. Конечно же, просто совпадение.

Я взяла вилку, отломил кусочек запеканки и положила в рот. Вкус детства, вкус дома, вкус воспоминаний.

Слезы снова подступили к глазам, но в этот раз я не за-

плакала. Просто ела и думала о том, что завтра снова увижу его. В саду, в восемь утра. И что я не знаю, как переживу этот день.

Глава 4

Оксана

Утро пришло слишком быстро.

Я почти не спала, всю ночь ворочалась, смотрела в потолок и слушала тишину. Запеканка осталась на тумбочке, я съела только половину, чай остыл, а я лежала и думала о Се- ве и его словах. О том, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу, будто хотел что-то сказать, но не мог.

Я выпила на кухне чашку обжигающего кофе, впихнула в себя бутерброд и в восемь была в саду.

Сева уже ждал. Он стоял у беседки, спиной ко мне и задумчиво смотрел на горы. Руки в карманах, плечи напряжены. Я подошла, остановилась в нескольких шагах, но он не обернулся, только сказал:

— Ты опоздала на две минуты.

— Я не опоздала, — ответила я. — Это ты пришел раньше.

Он обернулся и бросил на меня уже привычный мне взгляд — холодный, как гранитная скала. Ни приветствия, ни улыбки, ничего.

— Начнем с дальнего ряда, — сказал он, кивнув в сторону сада. — Показывай, что нужно делать.

Мы пошли вдоль яблонь. Я говорила, он слушал или делал вид, что слушает. Я объясняла, какие деревья можно спасти,

какие нужно выкорчевать, где сделать дренаж, как обрезать ветки. Он кивал, но я чувствовала, что он не согласен. Не со мной, а с самим фактом того, что я здесь. Что я говорю, что я стою рядом.

— Этот ряд можно оставить, — сказала я, касаясь ствола старой яблони. — Она еще плодоносит. Лет пять-семь точно протянет.

— Нет, — отрезал он. — Этот ряд под снос.

Я обернулась и посмотрела на него.

— Почему? Дерево здоровое. Ему нужен уход, а не топор.

— Я сказал — под снос, — повторил он. — Здесь будет новая посадка. Молодые деревья, современные сорта.

— Современные сорта не приживутся на этой почве, — я повысила голос. — Ты вообще понимаешь, что здесь за грунт? Какой старый этот сад? Ты не можешь просто взять и выкорчевать все под ноль.

— Это мой сад, — сказал он. — И я решаю, что здесь будет.

— Это не сад, это, можно сказать памятник, — отрезала я. — И ты не имеешь права его уничтожать.

Он шагнул ко мне. Опять слишком близко.

— Ты забываешься, Оксана, — сказал он тихо, но в голосе была сталь. — Я плачу тебе деньги не за лекции по ботанике, а за работу.

— А ты забываешь, что я специалист, — ответила я. — И если ты хочешь, чтобы сад цвел, а не сдох через год, тебе

придется меня слушать.

— Я не привык слушать, — он усмехнулся. — Особенно тех, кто меня предал.

Я почувствовала, как кровь резко прилила к лицу.

— Ты не знаешь, почему я ушла.

— И знать не хочу, — отрезал он.

— А может, стоит? — я шагнула к нему. — Может, хватит играть в обиженного мальчика? Ты же ничего не знаешь. Ничего.

— Я знаю достаточно, — он наклонился ко мне. — Я знаю, что ты ушла, тихо, пока меня не было. Оставила лишь долбаную записку. Сменила номер и исчезла. Пять лет. Пять чертовых лет ни звонка, ни письма. Ничего.

— Я не могла, — прошептала я.

— Не могла, — он усмехнулся. — Ты всегда находила причины. Всегда.

— Ты не понимаешь...

— Я не хочу понимать, — перебил он. — Я хочу, чтобы ты сделала свою работу и уехала как можно скорее.

Он развернулся и пошел дальше по саду, а я стояла, смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри все горит. От боли, от злости и от того, что я запретила себе чувствовать. Я догнала его и схватила за руку.

— Ты не можешь просто игнорировать меня, — воскликнула я. — Я здесь работаю, ты сам меня нанял.

— Я не знал, что это будешь ты, — он резко обернулся.

— Если бы знал, никогда бы не подписал контракт.

— Врешь, — сказала я. — Ты знал. Ты все знал. Посредник не назвал имя заказчика, но ты знал, что приеду именно я. Ты просто хотел посмотреть, как я буду мучиться.

— Думай, что хочешь, — он дернул плечом.

— Зачем ты нанял меня? — я повысила голос. — Зачем все это, если ты меня ненавидишь?

— Я тебя не ненавижу, — сказал он тихо. — Если бы я тебя ненавидел, было бы намного проще.

Он шагнул ко мне, а я не успела отступить. Схватил меня за плечи и прижал спиной к стволу дерева. Оно было холодным, шершавым и больно впилося мне в лопатки. Я ахнула.

Сева навис надо мной, вжимаясь всем телом, я чувствовала его тяжесть, его тепло, его дыхание. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах была не злость, что-то другое, темное, голодное.

— Что ты за ведьма? — прорычал он, обхватывая мои скулы рукой. — Ты как яд, отравляешь собой мою жизнь. Я пять лет пытался тебя забыть. Пять лет! И что? Ты появляешься на пороге моего дома и все летит к чертям собачьим, все возвращается, каждое чертово воспоминание, запах, звук твоего голоса. Ты как болезнь, как наваждение.

Я хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Не могла дышать, не могла думать. Только чувствовать. Его руку на своей щеке, его тело, прижатое к моему, его голос, хриплый, злой, отчаянный.

Он впился в мои губы. Жестко, властно, так, что у меня подкосились ноги. Я схватилась за его рубашку, чтобы не упасть. Он целовал меня как человек, который умирает от жажды и наконец дорвался до воды. Как человек, который ненавидит себя за это, как человек, который не может остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.